

Он не смел давать сдачи, в сердце преобладало раскаяние. Если бы он не набросился на старосту, сейчас бы его не избивали.

Несколько парней с задних парт наблюдали за происходящим, и один из них, не выдержав, заговорил:

— Второй брат, это просто несчастный случай, перестань бить его. Мы позже извинимся перед старостой.

— Второй брат, я первый извиняюсь, это моя вина. Он просто хотел за меня заступиться...

— Второй брат...

Несколько парней умоляли о пощаде, и только тогда в классе начались тихие обсуждения.

— Се Бинмянь совсем несправедлив. Они же сказали, что это случайность, ему стоит так издеваться?..

Одна из девушек, не в силах смотреть, тихо пожаловалась:

— И всё это прямо в классе! Совсем совесть потеряли.

— А почему не стоит? Тебе их жалко? Они же первыми на старосту напали. Разве они люди, а староста — нет?

Другая девушка, явно раздражённая, возразила:

— Я считаю, Второй брат поступил правильно. Если бы не он, сегодня всё бы так и сошло им с рук. Староста просто шёл собирать домашние задания, а они не сдали их и ещё считают себя правыми.

— Если бы они не нарывались на старосту, их бы и не побили. Просто пользуются тем, что у старосты в классе нет друзей. Староста действительно пострадал ни за что, это просто несправедливо.

*

Ся Цинцы шёл по коридору, и в ушах у него звенело. Его поддерживал Е Ци, а Мэн Фэйюй следовал сзади. Двое спутников без умолку что-то твердили ему в уши.

— Староста, ты можешь идти сам? Может, нести тебя?

— Потерпи ещё немного, скоро медпункт.

— Второй брат сейчас с ними разберётся, не переживай, никто из них не уйдёт.

Кровь уже остановилась. В медпункте Ся Цинцы усадили на стул, окровавленные салфетки убрали в мусорное ведро.

В медпункте пахло холодным антисептиком. Врач кратко расспросил о случившемся, и, не дожидаясь ответа Ся Цинцы, двое его спутников всё рассказали.

— Он случайно ударился об угол стола и порезался. Посмотрите, сначала крови было много.

Врач протёр лоб ваткой со спиртом, осмотрев рану:

— Рана неглубокая, достаточно наложить марлевую повязку. В ближайшие дни старайтесь не мочить её, меняйте раз в день.

Врач наложил повязку на лоб Ся Цинцы, Е Ци помог её придержать:

— Староста, может, тебе стоит здесь отдохнуть? Не торопись обратно.

Мэн Фэйюй поддержал:

— Да, староста, отдохни. Мы потом всё объясним учителю Чжану.

Ся Цинцы сидел на стуле, касаясь марли на лбу. Он покачал головой, оперся на подлокотники и встал.

Рана уже не болела. Он тогда стоял спиной и не видел, кто именно на него напал, но догадаться было нетрудно.

После того как он упал, его поднял Се Бинмянь. Сам Се Бинмянь не подошёл, а отправил Е Ци и Мэн Фэйюй сопровождать его.

Его мысли постепенно прояснились, и он сказал им:

— Я возвращаюсь в класс.

— Староста, ты больше не отдохнёшь?

— Пропустить один урок — не беда...

Ся Цинцы не стал их слушать. Он пошёл обратно, а двое следовали за ним, как хвосты. Лекарства ему оплатил Е Ци.

— Спасибо, завтра верну деньги.

Поднимаясь по лестнице, он поблагодарил Е Ци, и тот улыбнулся:

— Не стоит благодарности, староста. Мы же одноклассники.

— Мы все за тебя переживаем, и Второй брат тоже, — Е Ци не забыл добавить хорошее о своём брате. — С Вторым братом мы не останемся в обиде.

Ся Цинцы слегка замедлил шаг. С Се Бинмянем они действительно не останутся в обиде, но, скорее всего, хлопот потом прибавится.

Он вспомнил, как Се Бинмянь осторожно помог ему подняться, сжав губы в линию и опустив взгляд, молчаливый.

В прошлой жизни, когда у него были проблемы, Се Бинмянь тоже несколько раз помогал. Потом он ушёл из школы, и они больше не виделись.

Се Бинмянь всегда поступал по настроению, и помощь оказывал так же.

Они ещё не дошли до пятого этажа, как услышали разговор в коридоре. Оба голоса были

знакомы — учитель Чжан и Се Бинмянь.

— Ты становишься всё наглее. Даже если он был неправ, ты не мог просто ударить его. Разве нельзя было передать учителям?

— Три тысячи иероглифов самокритики тебе не избежать. На следующей неделе на классном часу прочитаешь вслух. Хорошенько подумай над своим поведением.

Ся Цинцы и его спутники вышли в коридор. Он увидел двоих у двери класса. Се Бинмянь что-то почувствовал, поднял веки и встретился с ним взглядом издалека.

Его взгляд задержался на Ся Цинцы на мгновение, а затем он отвёл глаза.

Учитель Чжан тоже их заметил, увидел повязку на лбу Ся Цинцы и спросил о его состоянии.

— Только что один вышел из медпункта, а другой уже туда направляется, — учитель Чжан посмотрел на них двоих. — Похоже, вы хорошо ладите. Ся Цинцы, Се Бинмянь подрался из-за тебя. Ты проследи, чтобы он написал самокритику. Три тысячи иероглифов, ни одним меньше.

— Хорошенько запомните, больше никаких драк в классе, да и в школе тоже.

— Хорошо, — улыбнулся Се Бинмянь. — Староста, если я что-то не смогу написать, спрошу у тебя.

Ся Цинцы стоял на месте, слова отказа застряли у него на губах. Его взгляд упал на тыльную сторону руки Се Бинмяня — там синяк, а сбоку наклеен пластырь, что выглядело слегка нелепо.

Он проглотил слова, не выразив своего мнения, что можно было расценить как молчаливое согласие.

Учитель Чжан сердито посмотрел на Се Бинмяня:

— Только ты можешь так шутить. Скажешь ещё слово — добавлю две тысячи иероглифов.

— И вы двое, чего вмешались? — учитель Чжан посмотрел на Мэн Фэйюй и Е Ци. — Вы двое тоже, по пятьсот иероглифов самокритики каждому.

— Мы же заботились о старосте, учитель Чжан, это несправедливо, — возразил Мэн Фэйюй.

Е Ци тоже добавил:

— Учитель Чжан, мы же не дрались, почему мы тоже должны писать?

Учитель Чжан повернулся к ним:

— Когда Се Бинмянь дрался, вы разве не знали? Он вам что-то сказал, вы и побежали? Вы даже не попытались его остановить?

Мэн Фэйюй:

— ...

Е Ци:

— ... Разве мы могли его остановить?

— Сейчас идите на урок, вы уже достаточно времени потеряли. После уроков зайдите ко мне в кабинет.

Учитель Чжан закончил и повёл их в класс. Урок уже шёл больше десяти минут, а всего длится сорок пять.

Класс, который до этого шумел, затих, как только учитель Чжан вошёл. Многие взгляды устремились на входящих.

Ся Цинцы вошёл последним. Снаружи солнце светило прямо в пол, его лицо было бледным из-за потери крови, длинные ресницы опущены, на лбу повязка, фигура стройная и прямая, словно хрупкий фарфор.

— Я сначала думал, что их побили зря, но теперь кажется, что они заслужили. Староста ведь...

Ученики тихо обсуждали, понизив голоса, и снова посмотрели на юношу неподалёку.

— Он такой, что хочется пожалеть.

— Выглядит таким несчастным, молчаливым, и всё держит в себе. Мне даже жаль старосту.

— Раньше я не замечал, чтобы ты жалела старосту. Это фильтр красоты, просто не смотри на него.

— С повязкой он выглядит ещё лучше, ему идёт. Если бы ещё добавить бинтов, было бы идеально.

Эти слова услышал проходивший мимо Се Бинмянь, и он мысленно цокнул языком.

С виду он холодный и вызывающий жалость, но внутри — чёрный кунжут, и, вероятно, сейчас строит коварные планы, как отомстить.

С этой мыслью на губах Се Бинмянь появилась лёгкая улыбка.

Ся Цинцы вернулся на своё место, привёл в порядок книги. Тан Юань, который всё это время волновался, увидев, что он вернулся, немного успокоился.

— Староста, ты в порядке? Может, взять отгул и отдохнуть дома?

Ся Цинцы покачал головой, и Тан Юань понял. Он понизил голос и рассказал, что произошло после ухода Ся Цинцы.

— Староста, после того как ты ушёл, Се Бинмянь пошёл к ним. Ты не видел, как он тогда выглядел... Но это было круто.

— Он был безжалостен, не сдерживался, когда бил их. Если бы учитель Чжан не подошёл, он бы их покалечил.

В классе никто не осмелился вмешаться. Даже друзья того парня только умоляли о пощаде, никто не хотел ссориться с Се Бинмянем.

Тан Юань говорил, и в его голосе слышалось облегчение:

— Не знаю, что на него нашло, но он молодец. Эти идиоты заслужили.

Он также вспомнил, что обычно Се Бинмянь ленив и всегда улыбается, и он уже забыл, что, когда тот только перевёлся в их школу, он был главной грозой Третьей школы.

Сколько раз он дрался, сколько людей поставил на место.

<http://bllate.org/book/16896/1566595>